

ковного же, языческого, адресата для приношения (как догадывался уже П. А. Лавровской); косвенно это подтверждается следующим обличительным текстом XVI в.: «Волови и еретицы и богомерскии бабы — кудесници и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут».⁹ Трудно не отождествить этот позднейший, уцелевший по «украинам»¹⁰ двоeverный обряд с княжескими постригами XII—XIII вв. Но что в приведенном тексте «первые волосы» предназначались Роду, видно из стоящего рядом упоминания всегда неразлучных с ним Рожаниц («а бабы каши варят на собрание рожаницам»). Замечательно, что в «Хоэфорах» Эсхила Орест на могилу отца приносит как раз то же самое:

В день первый юности волос своих
Я срезал прядь, в дар Инаху — вскормившему.
Вторая прядь — тебе, отец, поминный дар.¹¹

Наши княжеские постриги тоже восходят, следовательно, к языческому культу Родоначалника. Да и исчезают они из летописей почти одновременно с вторыми «княжими» именами и с внецерковной молитвой предку — в первое десятилетие XIV в.

На что мог опираться в своих принципиальных возражениях Андрею его непримиримый противник, Мстислав Ростиславич Храбрый, теперь должно быть ясно само собой: на эти самые унаследованные от старины пережитки языческого культа Рода. Двумя-тремя столетиями позже русский книжник будет знать, что подобные пережитки отыскиваются только «по украинам». Напротив, в XII в. на них основываются еще пока собственные традиции княжого властвования.

Как в владетельном праве князей, так и в «княжих» именах и молитвах, сакральная связь родства редко простирается дальше деда: отстаивал ли князь вотчинные свои права, он говорил сопернику-родичу: «одиного деда есмы внуцы, а колико тебе до него, толико и мне»; нужна ли была в трудных обстоятельствах особая помощь, опять-таки и ее подавала «дедня молитва»; связывало князя с дедом и носимое им «дедне имя». И до каких пределов конкретности эта связь простиралась — увидим ниже. На такой стадии застают княжеский культ Рода наши источники XII—XIII вв. Нельзя, однако, не поставить вопрос о более древней стадии княжеского родопочитания: указания на какие бы то ни было культурные пережитки до тех пор не могут быть вполне убедительны, пока пережиткам — «переживаниям» — не предпослан породивший их культурный феномен более ранней эпохи. Родопочитание, обезличенное в современном фольклоре до безыменного «доможила», домового — «пастана», было, конечно, в доисторическом прошлом и у менее видных родов, чем княжеский, необезличенным; и если и исторических князей — Рюриковичей, — в самом деле, объединял сравнительно так долго родовой культ, то он не мог первоначально тоже не быть культом родоначалника. Только в поисках такого родоначалника для князей Рюриковичей надо сразу же, конечно, отказаться от самого Рюрика: установленная А. А. Шахматовым искусственность, книжная нарочитость сравнительно поздно внесенной в летопись варяжско-новгородской генеалогии киевского княжеского дома, подтверждаемая как нельзя лучше совершенным

⁹ См.: А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 551—552; см. также: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, стр. 176.

¹⁰ Например у донских казаков (см.: М. А. Максимович. Собр. соч., т. III. Киев, 1880).

¹¹ См.: Древнегреческая драма. Перевод, вступ. статья и примечания А. И. Пиотровского. Госиздат, 1937, стр. 70.